

МИФЫ И СОВРЕМЕННЫЕ МИФОЛОГИИ

Э.М. Спирина

DOI: 10.7256/1999-2793.2014.2.10865

В КОЛОВОРОТЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИЛЛЮЗИЙ (К 30-летней годовщине выхода в свет монографии П.С. Гуревича «Социальная мифология»)

Аннотация. В статье содержится предложение обсудить широкий круг вопросов, связанных с массовыми идеологическими процессами. Поводом для дискуссии послужила книга П.С. Гуревича «Социальная мифология», которая была издана 30 лет назад. В статье отмечается, что этот труд был, судя по всему, первым исследованием в отечественной литературе феномена социальной мифологии. В условиях цензуры того времени автор был лишен возможности анализировать также мифы коммунистической идеологии. Ему не удалось дать критическую оценку концепции научной идеологии. Но проницательный читатель понимал, что феномен социальной мифологии носит универсальный характер. В последующих своих работах П.С. Гуревич возвращался к давним сюжетам, углубляя представление о массовых идеологических процессах. Особенно это заметно в материалах Круглых столов, которые проводятся под руководством П.С. Гуревича и печатаются в журнале «Вестник аналитики».

Используется метод исторического анализа, который позволяет раскрыть разные этапы становления социальной мифологии и отметить специфическую проблематику каждого периода.

Новизна идеи статьи обусловлена тем, что в отечественной литературе появилось немало частных исследований этой темы. Однако нет общей, хорошо продуманной концепции той роли, которую играет социальная мифология в современных условиях. В данной статье автор обозначил полемические проблемы, которые могли бы получить дальнейшую разработку.

Ключевые слова: философия, политика, идеология, «ложное сознание», «критика идеологии», реидеологизация, социальная мифология, идея, общественное сознание, социальная практика.

Генезис идеологии

В 1983 году в издательстве «Мысль» вышла книга проф. П.С. Гуревича «Социальная мифология»¹. Это, судя по всему, была первая в отечественной литературе работа, посвященная данному феномену. Есть ли смысл, спустя три десятилетия возвращаться к этому изданию? Сейчас о политических иллюзиях и мифах написано немало². «Социальная мифология» была написана в то время, когда автору приходилось

зашифровывать некоторые идеи. Иначе, и в этом нет никакого сомнения, книга не была бы издана. В основном в работе речь идет о западном мире. Анализируются европейские концепции, рассматриваются различные формы утопического сознания. В последующие годы, как впрочем, и до издания этой книги, автор продолжал изучать массовые идеологические процессы современного общества³.

Многое в книге «Социальная мифология» может показаться сегодня архаичным, чересчур идеологизированным. Однако в редакции журнала «Философия и культура» возникло желание обсу-

¹ Гуревич П.С. Социальная мифология. М.: Мысль, 1983.

² Эллюль Ж. Политическая иллюзия / Отв. ред. В.И. Даниленко. М., 2003; Козолупенко Д.П. Мифопоэтическое мировосприятие. М., 2009; Миф и художественное сознание XX века / Отв. ред. Н.А. Хренов. М., 2011; Спирина Э.М. Философско-антропологическое содержание символа. М., 2012 и др.

³ Гуревич П.С. Буржуазная пропаганда в поисках теоретического обоснования. М., 1978; Гуревич П.С. Буржуазная идеология и массовое сознание. М., 1980; Гуревич П.С. Приключения имиджа. М., 1991.

дить не само издание, а проблемы, которые были поставлены в ней. Собственно дискуссия могла бы затронуть представленную тему на более позднем материале, когда отпали кабальные цензурные условия. Сегодня власть в России прямо заявляет о том, что без идеологии невозможно решить те задачи, которые стоят перед страной. Критике подвергается Конституция РФ, в которой содержится запрет на государственную идеологию. Многие политики и эксперты полагают, что следует пересмотреть эту ситуацию и внести в Конституцию необходимое подтверждение острой потребности в идеологии как феномене. Пишут о том, что стране нужна национальная идея, социальный проект, который мог бы воодушевить массы и направить их к ясной общественной цели.

Именно поэтому хотелось бы затронуть вопросы, связанные с формированием идеологии и её роли в социальной практике, феноменом современной травести мифа, который укоренился в общественном сознании, проблемой соотношения науки и идеологии. Нет оснований полагать, что данная тема интересует только узкий круг специалистов. Тем более что в конце XX в. появились работы выдающихся современных философов, в том числе Поля Рикёра, Жака Бодрийера, Славоя Жижека, Жака Эллюля и многих других социальных мыслителей.

В книге «Социальная мифология» отмечается, что идеология, судя по всему, представляет собой антропологический феномен. Несмотря на многочисленные попытки «разделаться» с ней, доказать ее несостоятельность и ангажированность, она не только не исчезает, а даже наращивает свою мощь. Французский социолог Жак Эллюль еще в 60-х годах прошлого века отметил разрастание феномена политизации масс. Он показал, что в течение многих столетий массы людей были далеки от политики. В средние века крестьяне не проявляли, естественно, повышенного интереса к дворцовым интригам, к событиям королевского двора. Однако с выходом на историческую арену широких масс, политика перестала быть уделом узкого круга людей. Начинается эпоха массовизации, и это отражается на политической сфере. Власть старается изо всех сил вовлечь широкие слои населения в политические игры. Возникает индустрия лепки массового сознания. Идеологическая практика изучается с предельной интенсивностью⁴.

⁴ См.: Гуревич П.С. Политическая психология. М., 2013.

В книге П.С. Гуревича, по сути дела, рассматриваются разные подходы к идеологии, которые сменяли друг друга, то возвышая идеологию, то низвергая ее с пьедестала, разоблачая механику идеологического воздействия. Вместе с тем, такие западные исследователи, как Дж. Ларен, О. Лемберг, Ж. Мартине, Э. Топич утверждали, что идеология возникла вовсе не в XVIII в., а едва ли не с архаических времен. В частности, социальная демагогия как явление стало своеобразной приметой идеологической практики в античности. Известно, что слово «демагогия» вначале было наделено положительным смыслом. В условиях тирании появились люди, которые взяли на себя обязанность защищать людей от произвола. Их и называли демагогами, поскольку само это слово выражало умение «руководить народом». Но разве массы нуждались в этой опеке? Безусловно, поскольку они не были искушены в политике, не владели искусством красноречия. Так, в античной культуре огромную роль приобрела риторика как искусство убеждения. В трудах и суждениях Протагора, Продика, Гиппия, Горгия (V-IV вв. до н.э.) закладывалась нормативная система ораторского искусства. Сократ и Платон обогатили риторiku диалектическим способом рассуждения. В IV в. до н.э. в выступлениях Эсхина, Исократ, Гиперида, Лисия, Демосфера сложились и закрепились особые приемы ораторского воздействия на людей⁵.

«Сущность риторики, — отмечал Г. Гадамер, — не исчерпывается приемами, формулируемыми в виде технических правил, и это тоже самый настоящий Платон (которого Аристотель развил и обосновал). Все, чем заняты учителя риторики, которых критикует Платон в свое «Федре», лишь предшествует настоящему искусству. Потому что подлинное риторическое искусство неотделимо ни от знания истинного, ни от знания «души». Имеется в виду душевное состояние слушателя, аффекты и страсти которого возбуждают ради того, чтобы убедить его в чем-то»⁶.

Каково же социальное предназначение риторики? Она становится эффективным инструментом воздействия на массы. Неслучайно Платон критиковал софистов, которые ставили перед собой не столько побуждение добаться до истины, сколько руководствовались интересами текущих

⁵ Подробнее см.: Гуревич П.С. Социальная мифология. М., 1983.

⁶ Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 261.

событий, обслуживая таким образом политическую конъюнктуру. Римские мыслители не осознали до конца тех следствий, которые обеспечивали с помощью ораторского искусства достижения целей, далеких от реальных интересов людей⁷.

Есть все основания проследить формирование той социальной практики, которая была связана с влиянием на умы широких кругов общества. В средние века были известны имена таких риторов, как Августин (V в.), Алкуин (VIII — нач. IX вв.), Абельяр (XII в.), Франциск (XII-XIII вв.). Толкователи религиозных текстов, среди которых Г. Гадамер выделяет Флация, уже задумывались над тем, что использование аллегорий рождает идейное инакомыслие, позволяет трактовать образы в самом нежелательном ракурсе. С одной стороны, религиозные мыслители убеждены в том, что откровение как истина не нуждается в особых украшениях ораторского искусства. Но, с другой стороны, они осознают, что без красноречия невозможно донести до людей священное слово.

В Новое время появляются не только великолепные ораторы, мастера устного выступления. В риторику врывается революционное сознание. Выступления Г. Мирабо, Ж.-П. Марата, М. Робеспьера могут вполне квалифицироваться как искусное и пристрастное убеждение масс.

В «Социальной мифологии» особо выделен XVIII век, когда появилось слово «идеология», с этого времени и сам феномен получил ясное обозначение. Однако этот термин уже тогда начал обретать самые различные смысловые оттенки. В слово «идеология» вкладывалось различное содержание. Прежде всего, это понятие имело положительный смысл. Оно возникло во времена Французской буржуазной революции конца XVIII в., но смысловая сторона этого понятия уходит своими корнями во Французское просвещение. Немецкий ученый Э. Хёльцле в своем труде «Идея и идеология» анализирует в этой связи взгляды К. Гельвеция и Ж.-Ж. Руссо. Первый, как известно, установил три класса идей — полезные, вредные и нейтральные. Причем это различие французский философ проводит, руководствуясь критерием, связанным с характером влияния идей на массы. Если это воздействие не соответствует ожиданиям субъекта, то эта идея относится к разряду вредных. Если же воздействие совпадает с ожиданием субъекта, то

идея квалифицируется как полезная. Нейтральные идеи, по мнению Гельвеция, не производят почти никакого воздействия. Что касается Руссо, то он сформулировал тезис, в соответствии с которым предельным авторитетом оказывается для человека то, что проникает в его внутренний мир. Но таким статусом пользуется только идея⁸.

Первоначальное истолкование идей и идеологий имело сенсуалистический характер. Э.Б. де Кондильяк, к примеру, обращался вполне в духе времени к физиологии, которой он отдавал преимущество перед психологией. Он утверждал, что между чувствами и идеями можно легко уловить теснейшую связь. Эти мысли вполне скоординированы с размышлениями Дж. Локка о простых и сложных идеях. Кондильяк и его последователи старались создать такое учение об идеях, которое было бы лишено осудительного смысла. Они подчеркивали положительную роль идей, их несомненное право возвышаться над сферой аффектов, страстей, разного рода ложных воодушевлений⁹.

О том, как сформировалось в европейском сознании положительное отношение к идеологии и ее влиянию на умы, написано достаточно много. П. Кабанис, Дестют де Траси сделали решительный шаг от общих рассуждений о роли идей в истории к политике¹⁰. Кабанис в разное время был вынужден корректировать свою концепцию. Вначале он был убежден в том, что революцией должны заниматься литераторы и философы. Затем он задумался над тем, что вызывает революционные потрясения. Причину этих отклонений в истории он усматривал в разрыве между политической и реальным общественным мнением. Именно несогласованность этих явлений влечет за собой нежелательные исторические следствия. Он также обращал внимание на несоответствие социальных институтов запросам времени. Именно этот мыслитель пытался обосновать аксиологическое измерение политики.

Надо отметить, что идеология не сразу была оценена как важнейший социальный фактор. Мыслители того времени переживали своеобразную драму. С одной стороны, они рассматривали себя как теоретиков, далеких от политической суеты.

⁷ Социальная демагогия. Круглый стол // Вестник аналитики. 2013. № 4 (54). С. 87–105.

⁸ См.: Гуревич П.С. Социальная мифология. М., 1983. С. 28–29.

⁹ См.: там же. С. 32.

¹⁰ См.: там же. С. 32–33.

Но революционные события не позволили им удержаться на этой позиции. Так, феноменология идея трансформировалась в политическую доктрину. Идеология стала оцениваться как мощная сила, которая важна не только для общества в целом, но для жизни конкретного гражданина. Его долг следить за развитием социальных событий и участвовать в них во всеоружии собственных убеждений. Однако те же проблемы в ту пору начали интересовать и социологов. Но идеологи игнорировали социологические исследования, оставляя за собой право быть представителями самостоятельной гуманитарной дисциплины, изучающей общественное сознание через призму идей.

Критика идеологии

Целый этап в становлении социальной мифологии занимает «критика идеологии» как «ложного сознания». Французский философ Жак Лакан доказывал, что человеческое сознание вообще является «ложным» уже на доречевой стадии своего развития. В дальнейшем, по его мнению, самоотчуждение индивида нарастает в связи с расширением сложности символических систем, в которые он включается. Так, человек все более и более, по словам Ж. Лакана, охватывается «идеологическим».

Наполеон был, пожалуй, первым, кто употребил слово «идеология» в негативном смысле. Он назвал своих врагов интеллектуалами и идеологами. «Ложное сознание» Маркс еще не отождествлял с сознательной фальсификацией. Он утверждал, что действительность, которая не соответствует новым историческим вызовам, должна быть преобразована. На самом деле именно Ф. Энгельс отождествил идеологию с ложным сознанием. Он не отрицал, что идеология способна влиять на исторический процесс. Он даже не считал, что в социальных событиях решающую роль играет экономический фактор. Поэтому возникала проблема пристального изучения ложного сознания, его истоков и феноменологии¹¹.

В 90-х годах прошлого столетия французский философ Поль Рикёр выступил против уничижительного отношения к идеологии. Этот смысл, по мнению философа, придал ему Маркс, который отождествлял идеологию с искаженной действительностью под влиянием завуалированных классовых интересов. Негативный аспект идеологии,

считал Рикёр, может рассматриваться как частная характеристика более общей и вместе с тем более позитивной ее концепции. Как функция классовой борьбы, утверждал Рикёр, идеология действительно является существенным негативным феноменом, который смыкается с заблуждением, ложью, иллюзиями.

Но идеология, кроме того, может выполнять назначение метода мышления, и в этом качестве она не является только «ложным сознанием». В ней отражаются реальные общественные процессы, ценностные и практические установки того или иного времени. Поэтому в ней есть существенное рациональное зерно. Рикёр размышляет о том, что при определенных условиях идеология может освободиться от той отрицательной оценки, которую она получила в трудах ряда мыслителей. Здесь французский философ по сути дела переходит к анализу общественных функций идеологии. Он обращается к трудам немецкого социолога Макса Вебера, который вовсе не сводит общественные отношения к контрверзе господства и конфликта. Общество не может существовать без скрепляющих его единство идей. Идеология и выполняет эту интегративную функцию. Идеология таким образом может трактоваться как система взглядов, которые содержат в себе директивы к действию, предопределяющие «осмысленное поведение» членов группы.

Любая социальная группа нуждается в том, чтобы создать некий собственный имидж. У каждого человека в сознании существует ментальная модель мира — субъективное представление об окружающем мире. По-другому еще мы говорим: «картина мира». Она состоит из множества образов — простых и сложных — из понятий и суждений, важных для повседневной жизни и ориентирующих нас в наших оценках и действиях. В этом складе много всякой всячины — важного и неважного, но он определенным образом упорядочен, и к центру ближе то, что человек признает «своим», а на периферии оказывается то, что относится к «чужому». «Свое» и «чужое» у каждого разделяется не так уж произвольно, огромное значение имеет то, как проходила ранняя социализация в детстве, как строились отношения с окружающими в юности, что стало ценностями и нормами личности под влиянием множества людей — близких и почти незнакомых — на протяжении всей жизни. В юности важен вопрос — «делать жизнь с кого?». Когда в обществе старые ценности отвергнуты, а новые не

¹¹ См.: там же. С. 39–62.

укрепились, ответ на этот вопрос становится рискованным, неопределенным, противоречивым. И не только на уровне индивидуального сознания.

В таком контексте, по мнению Рикёра, идеология не имеет отрицательного смысла. Ведь многие исторические события инспирировались идеологией и при этом выполняли позитивную роль. Это относится, скажем, к формированию национальных государств, которое было бы невозможным без идеологии. Принятие американского Билля о правах можно тоже отнести к положительным идеологическим процессам. Прежде чем исказить реальность, надо принять какую-то первичную ее оценку. Трактовка исторического события, его первичное осмысление — задача вполне реалистичская и обязательная.

Идеология использует символы¹². Но разве символы призваны извратить реальность. Они наделяют её определённым смыслом, выстраивают отношение к прошлому, актуализируют память. Разумеется, идеологии схематичны и упрощены. Это своеобразный тип кода, который позволяет социальным группам иметь не только партикулярные представления, но располагать также историческим материалом, который указывает на их место в истории, на те мировоззренческие скрепы, могут консолидировать группы и социальные слои.

Замена мышления мнением и оказывается, по сути дела, идеологическим феноменом. Он обнаруживается сразу же в первую годовщину какого-то выдающегося события, когда ритуализация и стереотипизация приходят на смену сознательному, творческому подходу и энтузиазму первопроходцев. Идеология — по существу, есть царство «измов»: либерализм, гуманизм, консерватизм. Это пристрастие к лозунгам, максимализму и кратким формулировкам как раз и демонстрирует родство риторики и политики.

Рикёр считал, что механизм идеологии действует как бы «за нашей спиной». Мы попадаем под диктовку идеологии, но не можем это осознать из-за ослабления нашего собственного сознательного контроля и из-за дефицита фактов. Власть постоянно нуждается в том, чтобы оправдать легитимность своего наличия. В этом смысле феномен власти тесно связан с мифологией социальной группы или всего общества в целом. Требование власти признать ее законность, как это ни парадоксально,

совпадает с убеждениями граждан. Большая часть общества убеждена в том, что власть абсолютно легитимна, что социальный порядок и стабильность полностью зависят от власти и поэтому они готовы поддержать любое решение властителей ради этих непереносимых результатов.

Социальные иллюзии

Однако чем вызвана живучесть, неустрашимость идеологии? Тщетно искать ответ на этот вопрос в сфере политики или науки. Здесь мы входим в сферу аксиологии. Сила идеологии в том, что она целиком опирается на ценности и святыни, которые и определяют поведение людей. Люди не располагают единой, гомогенной системой одинаковых представлений. Поэтому существует множество воззрений, порожденных разными эпохами, культурами и обществами. Человек не может жить в идеологическом вакууме. Потребность в мировоззрении можно считать глубинной человеческой надобностью. Люди хотят «склеить», соединить в некое единство те взгляды, которые оказываются в потоке их жизни. Влияние друг на друга больших идеологий, столкновения между ними заполняют мировую историю. Они определяют содержание различных культур, которые взаимно дополняют, обогащают или уничтожают друг друга. Идеология в этом смысле — это побудительные и руководящие системы.

Религии — самые древние из таких систем. Они наиболее точно соответствуют человеческим потребностям. Религия сохраняет то, что насущно необходимо для существования человека — одно из великих человеческих открытий — трансцендентный мир. Однако терпимость исчезает на границах идеологии. Для того чтобы жить вместе, люди одного культурного измерения при всей множественности идей нуждаются в общем каталоге ценностей и норм. Каждый человек для толкования и объяснения самых разных явлений и событий использует, прежде всего, свой собственный социальный опыт. Этот принцип берет свое начало в древности. Он и является первым строительным материалом той картины мира, которую создает для себя отдельный человек.

Материал для построения картины мира индивид находит не только в фиксации обыденных связей, но также и в снах, которые примитивный человек принимает за реальность. Сны, таким образом, служат накоплению индивидуального опы-

¹² См.: Спирина Э.М. Философско-антропологическое содержание символа. М., 2012.

та, ибо человек встречается в мире грёз с другими людьми, иногда уже покойными, но во сне он ведет с ними беседу, как с живыми. Отсюда он делает вывод, что этот умерший человек может принести ему пользу или вред и что его поэтому нужно настроить на мирный лад. Человек пытается склонить себя к благонаправленному поведению перед этими угрозами.

Данная склонность объяснять события и силы окружающего мира в соответствии со своим внутренним опытом сопряжена с антропоморфизмом, который характеризует ранние представления человека о мире и который с большим трудом, если это вообще осуществимо, трудно вытеснить даже из научного мышления. Характерная черта картины мира, возникающей в сознании индивида, — помещение человека в центр мироздания. Весь остальной мир конкретный человек располагает вокруг себя. Человек не может видеть мир иным, отличным от того, каким он представляется ему с той точки, на которой он сам находится. В силу этой предпосылки индивид мыслит абсолютное добро и зло как нечто желаемое, совершенное, но не существующее в реальности как составную часть потустороннего мира. Этот трансцендентный мир в древности размещали в пределах эмпирической реальности. Такую роль играл Олимп у древних греков, верхнее или нижнее течение реки у южноамериканских индейцев.

Так, подтверждается связь фантазии человека с его собственным опытом: местность, жизненные условия в этих потусторонних мирах выглядят совсем по-человечески. Например, высший мир, рай, экзотические острова оказываются в социальных мифах тем местом, где грёзы о счастье уже воплотились. В равной степени преисподняя хранила для своих обитателей вполне земной «комплект» мучений. Функционально картина мира доисторического человека не отличается от картины мира современного человека. Они разнятся только содержанием изначального опыта.

Идеологические системы, а также определяющие их картины мира развиваются вместе с обществом, они как бы параллельны человеческой истории. Когда человечество существовало за счёт охоты и собирательства, многие проблемы решались с помощью колдовских ритуалов, отправлением которых входило в обязанность шаманов. С развитием хозяйства, естественно, меняются и представления о мире. Так, у древнейших земледельческих племен смерть, например

жертвоприношение девушки, рассматривалась как предпосылка рождения новых растений, зверей, людей. Эта взаимосвязь между умерщвлением и плодородием нашла свое выражение в мистериях и ритуалах племен средиземноморского бассейна и бассейна Тихого океана, что указывает на одинаковые психологические структуры (и на одинаковые представления о мире) у этих древних племён, живущих на большом удалении друг от друга.

Переход к выращиванию зерновых культур в земледелиях повлек за собой немалые изменения в мировоззрении и религии. Отныне в представлении о мире у крестьян на первый план выступают силы и процессы природы. Оседлость людей, повлекшая за собой необходимость захоронения умерших, породила похоронные ритуалы, культ мёртвых, который, по-видимому, основан на вере в жизнь после смерти. В начале каменного века существовали сложные формы захоронения, которые говорят о том, что люди верили, будто потусторонняя жизнь аналогична посюсторонней и столь же иерархична.

Последние пять тысяч лет в жизни человеческого общества можно рассматривать как крестьянскую эпоху. Картины мира, религии при всех своих различиях были наполнены одними и теми же основными мотивами, которые в мифах, ритуалах существовали за 3 тыс. лет до нашей эры и сейчас живы в современных религиях. Но за последние двести лет мир значительно изменился. На месте крестьянской культуры возникло высокоразвитое индустриальное, а теперь и информационное общество. Таким образом, конструктивным принципом, приведшим к созданию первых картин мира в сознании человека, можно считать перенос личного опыта индивида на вещи и события окружающего мира.

Но можно указать еще на один принцип идеологизации сознания — мифологизацию¹³. Этот процесс сводится к тому, что какое-либо событие, сам факт существования людей, зверей, вещей «объясняются» не по существу, а лишь как некая «история». Рассказ о возникновении чего-то необъяснимого воспринимается как вполне достаточный для носителя самого явления: генезис занимает место каузальности. Желаемое предстает перед индивидом в виде притчи о том, как оно осуществилось.

¹³ См.: Гуревич П.С. Социальная мифология. М., 1983. С. 91–116.

Этот принцип перевода познанного или частного в эпическое соответствует общим человеческим ожиданиям, устремлениям в самой природе человека. Так обнаруживается специфически человеческий способ интерпретации мира.

Современное историческое сознание, в этом нетрудно убедиться, включает в себя мифические элементы. Содержание событий, имевших место в прошлом, проецируется на современность. В центре исторических сообщений оказываются персонализированные образы — будь то отдельные личности или коллективы, классы, нации. Многочисленные факты свидетельствуют о том, что в современной исторической науке присутствует элемент культа героя. Человечество нуждается в вероучении любого рода.

Для понимания массово-психологических процессов важно понять, что действительность оказывает постоянное давление на человека, вызывая тем самым определенные стереотипные реакции поведения. В частности, стрессовые состояния сопряжены, как правило, с ожиданием опасности. Обычно в основе их лежит недостаточная информированность, в результате чего усиливается чувство тревоги, порождающее опять-таки неожиданные психологические феномены.

На формирование конкретных состояний массового сознания оказывает влияние тип человеческого отношения к реальности. Индивид ясно осознает жесткие рамки своего существования. Об этом ему постоянно напоминают факты его собственного бессилия в тех или иных жизненных ситуациях, неудачи, смерть, страдания, нестабильность и непредсказуемость мира. Эти обстоятельства неизбежно преследуют человека, он противопоставит им как незащищенное существо, подверженное случайностям реальности. В результате в самых разных мировоззрениях — от примитивных суеверий до метафизических спекуляций, основанных на определенных идеализациях, — можно обнаружить своеобразные отклики на «психически невыносимую ситуацию».

Человек уже в ранний период своего существования умел ослабить давление реальности с помощью искусственно вызванных галлюцинаций или эйфории, что позволяло ему вынашивать иллюзию абсолютного превосходства над миром. Этому служило, в частности, искусство. Оно-то и поставляло некие фиктивные способы «выхода» из непереносимых жизненных ситуаций. Австрийский социолог Э. Топич даже пытается типологизировать

эти мотивы, к числу которых он относит спасение каким-либо героем молодой женщины, неожиданную помощь приговоренному к смерти, победу одной группы над другой. Число таких стереотипных мотивов не столь уже велико. Но они кочуют из тысячелетия в тысячелетие.

Эти мотивы искусственно вызывают чувственные переживания человека, служат «ловушками», которые он сам же создал, чтобы только избежать непереносимого психологического напряжения. Таким образом, можно считать «палеопсихическое» общим для животных и человека. Но человек имеет больше возможностей для фиктивной реализации грёз, поскольку руководствуется не только генетически унаследованным, но и индивидуально приобретенным опытом. Все это и обнаруживается в массовом сознании.

Мы видим, что социоморфное, биоформное и техноморфное мировосприятие с развитием культуры расширяются. В распоряжение человека поступают всё более обширные и разнообразные исходные данные. Они становятся моделями, которыми оперирует познание. Культура вырабатывает такую матрицу, на которой отпечатывается и универсум, и земная жизнь. Так постепенно политизируются не только представления о космосе, но также о человеческой душе, о судьбе мертвых, о чем угодно. Именно культура приводит к тому же механизму обратной проекции, когда осмысление космоса по меркам земного создает некие новые духовные стандарты. Они вновь прилаживаются к земным обстоятельствам. В результате достигается дополнительная легитимизация существующего господства. Не случайно монарх и его приближенные рассматривались либо как сыновья, либо как образы или посланцы неких небесных существ.

Наука и идеология

Между наукой и идеологией тем не менее существует различие¹⁴. Наука полагает, что одни идеи более истинны, нежели другие, а для идеологии объективной истины не существует, поскольку все идеи связаны с осознанными или неосознанными интересами людей. Каждый человек сам себе идеолог. Идеолога от учёного отличает не только более сильное интенсивное воздействие подсознательных факторов на мыслительный процесс. Разница еще и в том, что научный подход способен преоб-

¹⁴ Там же. С. 163–165.

разовывать подсознательные мотивы и осуществлять предвидение. Идеолог же ничего не предсказывает. Он доказывает лишь правоту своих идей, а не истину вообще. В более широком смысле «идеология» не означает мышления. Тотальная концепция идеологии утверждает релятивизм, отрицание объективной истины. Таким образом, основная задача науки — объяснять подсознательные мотивы поведения.

«В современной России реидеологизаторская тенденция выражена весьма отчетливо. Она находит отражение и в поисках «национальной идеи», и в стремлении построить национальное патристическое государство, и в желании приобщить страну к достижениям мировой цивилизации, и в желании выстроить протекшую истории по лекалам современных властных полномочий. Мне кажется, что огромные усилия, которые прилагаются к разоблачению деидеологизации, отвлекают от главной задачи — поисков позитивных идеологических ресурсов. Ведь чаще всего политики и эксперты говорят не об идеологии, а о социальном проекте.

Опасность идеологии вообще обнаруживается в том, что она отчуждает реальность. Благодаря социальной мифологии люди погружаются в мир грёз, абсурда, живут в галлюцинаторном мире. Это отвечает интересам власти, которая не справляется с действительными общественными проблемами. Идеология, как только она оформилась в качестве специфического явления, вызвала высокомерное отношение к жизни, здравому смыслу, историческому опыту, не освященному духом «научности». Она предстала как некое, вне-сенное «сверху» сознание, которое навязывается массам или целым народам подчас вопреки здравому опыту, житейской практике. Вся история с «раскрестьяниванием» разве не наглядная иллюстрация противостояния тысячелетнему уникальному опыту сельчан? Наконец, сама принудительность идеологии, которая насаждается, усваивается, закрепляется, не служит мостиком к тоталитаризму?»¹⁵.

Философия поставляет материал для идеологии. Но это вовсе не означает, что философия лишена специфики и автономной судьбы. Идеология рождается и приходит в упадок. Ей может прийти конец. Философия же развивается в лю-

бом обществе, но ее истинный расцвет наступает лишь с упадом идеологии. Суть различия между идеологией и философией особенно ярко видна при анализе отношения между выдающимися философами и социальным контекстом их жизни. Ни один философ никогда не был идеологом, не был партийным деятелем. Ни один философ не считал, что его идеи предназначены для целей и задач какой-либо политической группировки. Философия — это наиболее полное самораскрытие личности, выражение личностного опыта. Это именно тот аспект интеллектуальной реальности, который можно объяснить лишь на основе причинных связей психологической жизни индивида.

Идеология же — результат социальных условий, она вбирает в себя философию и доводит ее до низших социальных слоев. Идеология — нечто вроде униформы партии или облачения определенной политической фракции. Все «носят» одинаковые идеи. Здесь главное то, что каждый — это «один из нас», идеология — это «изм», то есть философская доктрина, которая была оторвана, выделена из исследовательского процесса и сформулирована как аксиома политической группы. Дарвиновская теория естественного отбора стала дарвинизмом, закон Ньютона — «ньютонизмом» — мнимой основой конституционных монархий.

Идеология плотно закрывает двери перед исследователем, перед всяким сомнением, она снимает все вопросы, отменяет все дискуссии. Современные философы никогда не считали себя, и их никто не считал, выразителями идей какого-то класса, стремящегося к захвату политической власти. Идеологи всегда отвергали философов, и в этом проявляется эмпирической закон интеллектуальной истории. Т. Гоббс создал философское оправдание абсолютистской власти, но ни одна политическая фракция (ни роялисты, ни парламентарии) не сочла его труды пригодными для политической борьбы. Кант был слишком рационален для прусской монархии, но одновременно он был чрезмерным пietetистом для революционеров. Д.С. Милль был достаточно изолирован в британской политике, либералами он оценивался как социалист, тогда как для социалистов он был слишком привязан к мысли о свободе личности. Философы и идеологи всегда были на разных полюсах.

Идеологи вербуют своих сторонников среди «молодых интеллектуалов», которые жаждут по-

¹⁵ Нужна ли нам идеология? Круглый стол // Вестник аналитики. 2014. № 1 (55). (в печати).

литической власти, но вместе с тем не хотят упустить возможности выступить как лидеры — среди рядовых интеллектуалов, молодых ученых или творческих работников, артистов, художников. Идеология имеет особую привлекательность для людей посредственных, со средними способностями, но стремящихся, тем не менее, занять административные посты в новом обществе. Философия представляет собой в определенной мере трансценденцию социальных условий индивида, его са-

моосвобождение от них. Идеология же — это редукция философии какой-либо группой в единое кредо поколения. Идеология — это смесь науки и мифа. Она усиливает политический фанатизм. Она поляризует мир на избранных и отверженных. Идеология подвергает опасности сам человеческий разум.

Социальная мифология, таким образом, актуализирует значительное множество теоретических сюжетов, требующих коллективного обсуждения.

Список литературы:

1. Борисенков А.А. Особенности политического сознания // Философия и культура. 2013. № 1. С. 79–87.
2. Бочарников И.В. О государственной идеологии России // Международные отношения. 2013. № 1. С. 22–27.
3. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991.
4. Гуревич П.С. Буржуазная идеология и массовое сознание. М., 1980.
5. Гуревич П.С. Буржуазная пропаганда в поисках теоретического обоснования. М., 1978.
6. Гуревич П.С. Приключения имиджа. М., 1991.
7. Гуревич П.С. Социальная мифология. М., 1983.
8. Кодан С.В., Владимирова Г.Е. Политико-идеологические и организационно-правовые предпосылки создания Основных государственных законов Российской империи (XVIII — первая четверть XIX вв.) // NB: Исторические исследования. 2013. № 4. С. 134–171. (URL: http://www.e-notabene.ru/hr/article_745.html).
9. Козолупенко Д.П. Мифопоэтическое мировосприятие. М., 2009.
10. Миф и художественное сознание XX века / Отв. ред. Н.А. Хренов. М., 2011.
11. Нужна ли нам идеология? Круглый стол // Вестник аналитики. 2014. № 1 (55). (в печати).
12. Пархоменко Р.Н. Либерализм в России: обзор научной литературы // Педагогика и просвещение. 2012. № 4. С. 31–38.
13. Попов Е.А. Понятие государства как ценностно-смысловой системы в философии права и философии государственности // NB: Вопросы права и политики. 2013. № 2. С. 193–217. (URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_454.html).
14. Социальная демагогия. Круглый стол // Вестник аналитики. 2013. № 4 (54). С. 87–105.
15. Спирова Э.М. Философско-антропологическое содержание символа. М., 2012.
16. Эллюль Ж. Политическая иллюзия / Отв. ред. В.И. Даниленко. М., 2003.

References (transliteration):

1. Borisenkov A.A. Osobennosti politicheskogo soznaniya // Filosofiya i kul'tura. 2013. № 1. С. 79–87.
2. Bocharnikov I.V. O gosudarstvennoy ideologii Rossii // Mezhdunarodnye otnosheniya. 2013. № 1. С. 22–27.
3. Gadamer G.-G. Aktual'nost' prekrasnogo. M., 1991.
4. Gurevich P.S. Burzhuaznaya ideologiya i massovoe soznanie. M., 1980.
5. Gurevich P.S. Burzhuaznaya propaganda v poiskakh teoreticheskogo obosnovaniya. M., 1978.
6. Gurevich P.S. Prikl'yucheniya imidzha. M., 1991.
7. Gurevich P.S. Sotsial'naya mifologiya. M., 1983.
8. Kodan S.V., Vladimirova G.E. Politiko-ideologicheskie i organizatsionno-pravovyye predposylki sozdaniya Osnovnykh gosudarstvennykh zakonov Rossiiskoi imperii (XVIII — pervaya chetvert' XIX vv.) // NB: Istoricheskie issledovaniya. 2013. № 4. С. 134–171. (URL: http://www.e-notabene.ru/hr/article_745.html).
9. Kozolupenko D.P. Mifopoeticheskoe mirovospriyatie. M., 2009.
10. Mif i khudozhestvennoe soznanie XX veka / Отв. ред. Н.А. Хренов. М., 2011.

11. Nuzhna li nam ideologiya? Kruglyi stol // Vestnik analitiki. 2014. № 1 (55). (v pechati).
12. Parkhomenko R.N. Liberalizm v rossii: obzor nauchnoi literatury // Pedagogika i prosveshchenie. 2012. № 4. С. 31–38.
13. Popov E.A. Ponyatie gosudarstva kak tsennostno-smyslovoi sistemy v filosofii prava i filosofii gosudarstvennosti // NB: Voprosy prava i politiki. 2013. № 2. С. 193–217. (URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_454.html).
14. Sotsial'naya demagogiya. Kruglyi stol // Vestnik analitiki. 2013. № 4 (54). С. 87–105.
15. Spirova E.M. Filosofsko-antropologicheskoe sodержanie simvola. М., 2012.
16. Ellyul' Zh. Politicheskaya illyuziya / Otv. red. VI. Danilenko. М., 2003.